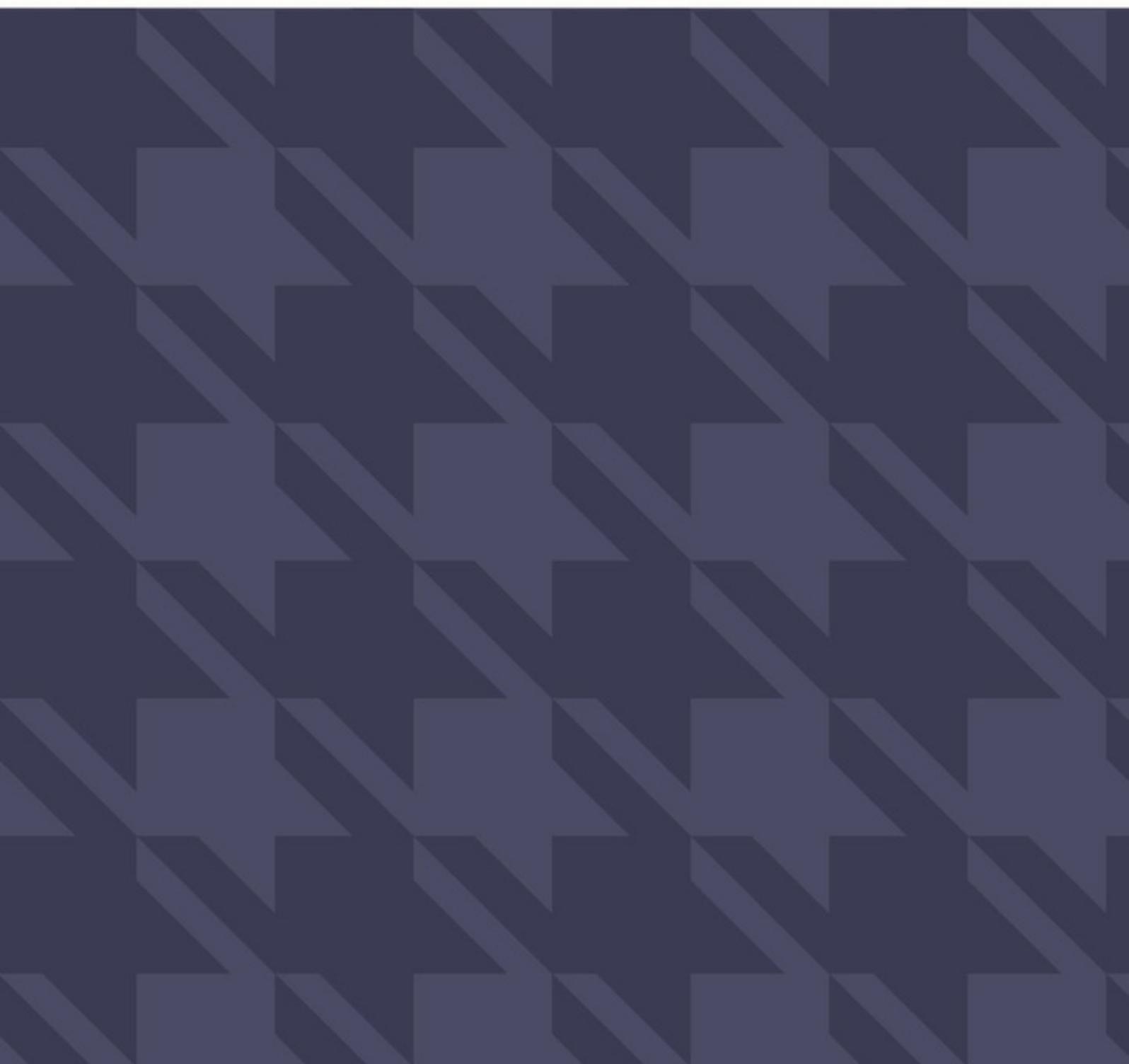

СЕРГЕЙ КОЛЧИН

Еврейское щастье

Сергей Колчин
Еврейское щастье

«Издательские решения»

Колчин С.

Еврейское щастье / С. Колчин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934505-9

В книге юмористического жанра повествуется о приключениях еврея-маляра и его друзей, прораба Шнипперсона и крановщика Вейнцельблюма.

ISBN 978-5-44-934505-9

© Колчин С.
© Издательские решения

Содержание

Еврейское щастье	6
Смокинги	16
Мистер Президент	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Еврейское счастье

Сергей Колчин

© Сергей Колчин, 2018

ISBN 978-5-4493-4505-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Еврейское щастье

Арафатка

После работы я спецовку в шкафу запер, ладони под рукомойником сполоснул и, домой было намылиться, как крикнул мне с улицы Савфат-разносчик, что требует меня прораб наш, Шнипперсон. Все, думаю, не иначе огрехи какие выискал по моей малярной части. А я причем, коли краску водянистую поставили? Финны схалтурили, или наши разбавили, а мне расхлебывай? Но хочешь, не хочешь, а идти надо.

Семеню к бытовке, весь на нервах, поджилки аж трясутся, ноги вытираю о тряпку, захожу, так, мол, и так, говорю, Яков Моисеевич, вызывали? А он мне ласково, почти по-отечески, отвечает: «Дело к тебе, Соломон, безотлагательное. Доверительное, можно сказать, дельце».

Я весь оторопел. Ни одного бранного слова! Ведь в повседневности Яков Моисеевич иначе изъясняется, бывает, что если потом кому в голову придет мысль хоть одно слово через словарь Брокгауза с Эфроном расшифровать, то ни одного там не сыщешь. А то! Шнипперсон, считай, четверть века прорабствует, а для смены языка иному и полгода хватает, а ежели переузбечена стройка, то и за месячишко управиться. Ну, думаю, Соломончик, совсем плохи твои дела. Сам же бодро так отвечаю: «Я ж могила, Яков Моисеевич, будьте уверены, на меня и положиться можно и все остальное», а сам неожиданно чую, как от сердца отлегает. Это у меня обыкновенно бывает перед кишечными расстройствами третьей степени насыщенности.

Яков Моисеевич ко мне придвинулся и вкрадчиво поясняет: «Я своего шлимазла с Розочкой вчера на курорт спровадил, остался вдвоем с собачонкой. А она у меня ревнивая сучка, никого такого же полу в квартиру не пускает. Отвез бы ты ее к моей тетке в Украину денька на четыре, она скучает по ней давно, а я тебе двойные наряды закрою и кисти новые выдать распоряджусь. Итальянские. Флейцевые. Пару филеночных добавлю из собственных запасов».

Эх, откуда только узнал прораб о моей слабости к филеночным? Я за них что хочешь!

– Обделаю все в лучшем виде, Яков Моисеевич, не извольте беспокоиться. Доставлю на блюдечке сучку нашу к тетушке вашей, – обрадовался я.

– Вот и хорошо. Приезжай завтра с утра. Передам из рук на руки. Сначала, конечно, познакомлю.

Я тут же к выходу попятился, а Шнипперсон вслед мне кричит: «Купи колбаски для Арафатки, она ее уважает и тебя, глядишь, не загрызет. Только кошерной не бери – тогда несдобровать тебе! Порвет! Многократно проверено!»

Выхожу я со стройки на улицу, сажусь в лендровер, еду, а сам весь в мыслях, почему меня лично прораб выделил. Чем таким я ему показался? И надо же случиться неприятности, что на Рублевке, всего-то в трех километрах от дома, меня гаишник за превышение тормознул. Спрятал коррупционер машинку свою в кустах прямо перед поворотом на Горки. Так прямиком из растительности с диким воплем под мой лендровер вылетает, одна рука палкой махает, другая ширинку застегивает судорожно. Заело, видать. Чуть не под колеса суется. Меня занесло, крутануло. Еле выправился и потом задком к мильтону подъезжаю. «Чо случилось, командир? – спрашиваю. – Может, помочь чем?» Я так всегда дурку включаю. Типа я не я и лошадь не моя, и не моя махина только что сто восемьдесят выдавала при том, что ограничительный знак больше шестидесяти не позволяет, и зебру только на прошлой неделе подкрасили.

Но вижу неприятность одну. Служивый грязь с лица стирает, а мундир ваще наскрозь. Чумазый весь, словно Земля лопнула, и он оттуда выпрыгнул. Вся такая совокупность навела

меня на мысль: «Не договоримся». Как в воду глядел. Отобрал беспредельщик права безо всяких разговоров, хотя по моему разумению обязан был ограничиться профилактическим внушением. Разве я виноват в том, что мой стиль вождения – «тапка в пол»? Тем более, пока меня протоколировали, мимо два кортежа соседей моих по обе стороны забора пролетели с околокосмическими скоростями. Я бы их на его местечке останавливал, а то видит блюститель – Соломон, вот и в загон его, ату Соломона. И в его лице весь остальной космополитизм подковырнем. Чтоб неповадно! Нас с прокураторских времен каждый обидеть норовит и любой может. Вот что особенно удручает. И не заступится никто, а коль сыщется покровитель, то потом лет двести поминать будут, деньги тянуть. Зубы наши золотые вожделеть. И прочее, непосильными трудами нажитое.

Ну да ладно. Пылю себе дальше без прав, но со временным разрешением на неделю. Размышляю о мороке предстоящей в группе разбора, сколько денег с золотой визы снимать, и в какой валюте берут теперь после переименования. Уж наверняка не в рублях и шекелях. И еще решаю, на чем собачонку везти. На поезде – хлопотно. Разгавкается, пассажиров распугает и перекусают. Выгуливать опять же где? Да и продадут ли билет на собаку? Самолета же сам боюсь на интуитивном подсознании. А ну как грохнетя всмятку? С него станется, он же много тяжелее атмосферы. Опять же, где паспорт биометрический с отпечатками лап раздобыть? Даже мой знакомый мастер по этой части Мойша Зельдерман за сутки не обернется, хоть бы и за тройной гонорар. Решил – повезу на авто. Другого выхода нет. Пусть себе сука на заднем сидении видами любит. И еще мечтаю дорогой, что какая иная мне награда полагается. Вдруг меня Шнипперсон из рядовых маляров в мастера переведет? Совсем хорошо было бы, чтоб в начальника смены. И заработок побольше, и времени свободного. Тогда мог бы и в заочном шпалоукладочном техникуме восстановиться. Надо ж деткам своим какую-никакую корку показать в воспитательных целях.

Так за раздумьями разными подъезжаю к дому. Охранник ворота открывает. Бросил ему ключи и пехом уже в светелку. Моя услышала, спустилась со второго этажа, на шее повисла. Ну как такой сразу о предстоящей разлуке открыться? Поэтому только утром признался. Поклялась мне в мое отсутствие глаз с прислуги не спускать и на конюшню ее, коль пропадет что. Челядь совсем разбаловалась, особенно Параська. После того, как сблудила со мной, нос задрала. Хозяйке дерзит, уж и вожей не остерегается. Надо будет ее взащей после приезда. Пусть едет себе на ослике в поисках хлеба насущного, а я ей воздушный поцелуйчик на дорожку отправлю и рукой вслед помашу движеньями плавными.

Когда отъезжал, то подглядел в заднее зеркало, как супруга моя ортодоксальная нас с лендровером сзади перекрестила. Сразу легкость наступила необычайная, словно только что с разнорабочими таджиками косячок сообразили. «Хаву нагилу» замурлыкал от чувств любвеобильных. Когда к Шнипперсону подъезжал, «Гимн демократической молодежи» допевал. Люблю я песню эту задушевную.

Встречает меня Яков Моисеевич в домашних тапках войлочных, в дом зовет. Захожу, мать божья – красотища неопишная. Витражи, позолота, статуэтки мраморные, как в Ватикане. Разве что достоинство фигами не прикрыто. На одном причиндале шляпа ковбойская покачивается. Пахнет сигарами гаванскими Боливар. На стене – телевизор. Я такой большой раньше видел только по телевизору в передаче про Филиппа Киркорова и его задушевного друга-сподвижника Максима. Живут же Шнипперсоны – каждому пожелаешь! Как сыр в масле перекатываются! И еще пришел я к неутешительному для себя выводу, что мансарда моя на Елисейских уступает. Эх, надо было не жмотиться, на третьем этаже брать. Что с того, что оттуда вид ограниченный – зато семь комнат, не считая подсобных помещений.

Стушевался я малость. А как же иначе? Как не оробеть при таком богатстве? Но тут и вовсе, чуть в штаны не наложил с испугу. Высовывается из-за спины Якова Моисеевича

вот такенная рожа с пастью саблезубого тигра. Алабайка. Центнер агрессивного мяса. Одно утешает, что глаза вроде добрые и хвостиком повиливает.

– Не шевелись, Соломончик. Я тебя умоляю! В ближайшую минуту судьба твоя решится, – остерегает меня Яков Моисеевич и сторонится, собачку вперед пропуская.

А я и так, без слов его страхонаводящих, не дышу давно. Только мурашки на спине и икота.

Подходит тварь ко мне, обошла по часовой стрелке, обнюхала и лапу подала. «Гав, гав», – сказала. Видно, поздоровалась так. «Наше вам с кисточкой, – отвечаю. – Весьма радс».

– Теперь суй ей колбасу, – командует Шнипперсон.

Я, как сказал поэт, достаю угощение из широких штанин дубликатом бесценного груза, глаза зажмурил и сую в пасть четвероногого друга четверть батона любительской за триста восемьдесят. Арафатка нежно приняла продукт высшего сорта, с благодарностью. Ладонь лизнула и поверх нее зубами лязгнула. «Не дрейфь, мол, Соломоша. Не трону покуда», – намекнула она мне этим лязгом.

Когда ей Шнипперсон намордник надевал, она усердно головой вертела и слюну пускала. Но далась, куда деваться? В лендровер мой Арафатка уже сама запрыгнула.

«Поехалииии!» – возликовал я и вдавил педаль. На российско-украинской границе мы встали через шесть часов. Я впопыхах даже полуденный намаз пропустил, чего в обычной обстановке ни себе никогда не позволяю, ни домочадцам своим, ни приживалкам. Надеюсь очень, что простится мне, и есть на то две причины, что сбудутся мои надежды. Первая – путешествующим дозволено на потом откладывать. Вторая – коврик в шерсти весь налипшей, Арафатка на нем чесаться приспособилась, а какой может быть намаз на грязном коврике – сплошное богохульство и ваххабизм в худших его проявлениях.

Едва проехал пограничный знак, немедленно подташнивать меня начало. Я давно приметил, что как только приближаюсь к черте оседлости ближе пятидесяти метров, так непременно, то понос, то золотуха, то ногти потеют, спасу нет. И на компасе, что мне дедушка Элимелех подарил на день освобождения Албании, стрелки перекувырнулись и обе в обратном направлении уставились.

Пункт пропуска перегораживал шлагбаум, за которым покуривали пограничники (на местном диалекте – прикордонники), но не они привлекли мое повышенное внимание, а розовощекий верзила-таможенник, который прямо-таки впился в меня с лендровером и оценивающе прищурился.

Я кипу для солидности надеваю, окошко приспустил, гляжу, а таможенник в улыбке расплылся весь и прямым к моему лендроверу чешет. Подошел, Арафатку увидел, так и вовсе потеплел взглядом, и говорит (на местном диалекте – гуторит) вполне себе политкорректно:

– Тю! Який гарный у вас пес. Шо за порода?

А я не пойму сразу, кого ввиду имеет: то ли меня, то ли Арафатку?

– Привет, земля, – отвечаю расхлябанно. – Породой собака алабайской, откликается на Арафатку.

Таможенник языком как зацокает, восхищение выражает. Руку к хохолку Арафатки тянет. Я пожалел тут остро, что у суки намордник на лице. А так наказала бы слонопотамина моя с заднего сидения самостийного за все притеснения прошлые, оттяпала бы ему кисть по самый локоть. Тогда бы и кормить животную днем не надо – таможенник вон какой упитанный, там и жира прослойка вкусная, и косточка мозговая.

Но таможенник или мысли мои разгадал, или в глазах Арафатки что-то такое углядел, но руку одернул и строгость в лице установил.

– Довидка про плимений цинности е? – спрашивает, а сам большой палец о средний и указательный потирает.

– Е, – расстраиваю я его и протягиваю справку из папки. Ее мне Яков Моисеевич вручил, как я понимаю теперь, специально для такого случая.

– Ветеринарный паспорт е? – не сдастся проверяющий, но уже разминает большой палец только об указательный.

– Е, – достаю я паспорт.

– Щеплення усе?

– А як же, – отвечаю и тыкаю в нужные страницы с отметками о прививках.

– Довидка форми одні е? – с надежной интересуется таможенник.

– Е, – показываю.

– И видмитка «вивиз дозволено» е? – просящий голос служивого способен был разжалобить кого угодно, даже мой двоюродный дядя Гольренбрухтцербрехер не устоял бы, а тот работает не кем-нибудь, а главным забойщиком на мясокомбинате им. Клары Цеткин, но я был непреклонен.

– Е, – отвечаю. Мшу в его лице за все поколения сородичей погранных. Его ведь предки держимордые по всей Малороссии в свое время щитов понаставили с надписью «Бери хворостину и гони жида в Палестину».

Возвращает мне таможенник документы, смотрю я в его глаза и наблюдаю две очень грустные маслины. Сразу мне захотелось ему денег дать, хоть немножко, но вовремя вспомнил наставления тетушки Сары: «Соломоша, никому денег не давай, даже если очень захочешь. Перехотится потом обязательно, вот увидишь».

И взаправду, перехотелось, а ведь чуть было не купился на страдания юного Вертера. Ушел несолонохлебавший таможенник, и подошел совсем вялый пограниц. Тот ведь видел все, такое дело, и как с собакой не срослось, и что напичкан я бумагами на всевозможные каверзы, так вовсе уж поверхностно мой паспорт пролистал, штампанул и пропустил в Украину.

От границы до тетушки Шнипперсоновой рукой подать, две сотни верст с гаком всего-то. Через час подъезжали к хате. Арафатка моя разволновалась совсем, заскулила, мордой в спину тычет. Уговорила, сука. Снял я с нее намордник. И, правда, чего ей в наморднике по Украине ходить?

Смотрю, тетушка поспешает с огорода. Арафатка вовсе в неистовстве. Лай ее на Днепре всю рыбу распугал. Делать нечего, выпускаю животную из лендровера.

Тетушка, завидя такую тушку, раскудаhtалась, Арафатка еще пуще прежнего забрехала. Хвостами обе завилыли и кинулись друг друга облизывать. Уж такая промеж них любовь образовалась, аж я не могу. Слеза пустилась от чувств моих соленая прямо на автоматическую коробку передач лендровера моего с кожаными сиденьями.

Все последующие четверо суток они друг от друга не отходили, даже спать под одним пледом заворачивались.

Когда уезжали, тетка весь багажник лендровера костями для Арафатки забила. Буренку свою, кормилицу многолетнюю, ей забить пришлось ржавой кувалдиной. Арафатка моя долго подружке своей задушевной лапой сквозь стекло махала, даже когда совсем в точку тетка Шнипперсона превратилась.

На границу подъехали ближе к вечеру, после трехчасового намаза.

Дивлюся, знакомый таможенник в носу у себя шмонает. Делает вид, что не замечает нас с Арафаткой и лендровером. Досматривать не идет. А что, я вас спрашиваю, с Украины тащить? Какие такие незалежные залежности? Тут фура подоспела на Европу. Таможенник к ней прицепился. Так само собой разрешилась неловкость промеж нас троих.

Поэтому подошел ко мне только пограничник. Паспорт проверил, хотел было отпустить, но попутал чего-то и права попросил. Протягиваю ему временное разрешение, так беднягу перекосило всего. На кипеж потянуло.

– Кто вас в Украину пропустил? Без прав нельзя! – вспомнил он русский.

- Ты пропустил, – не растерялся я.
- Шо ты брешешь?
- Я ж тебе сто долларов дал!

Пограничник досадливо махнул рукой и выпусти-таки за пределы. Наконец-то мы дома! С Арафаткой и лендровером моим заднеприводным.

Возвращаюсь в Москву весьма довольный, что поручение Якова Моисеевича хорошо исполнил. Едва МКАД пересек, как руки зачесались. Правая по мастерку скучает, левая – по валику. Обыкновенное дело. Я без работы долго не умею.

С Арафаткой мы с того времени частенько встречаемся. Мне ее Яков Моисеевич, когда сам не может, выгуливать доверяет. Только в наморднике, это уж вынь да положь! Я ее планирую со своими детками познакомить. Когда те вырастут, конечно. Дай боже им такого же еврейского счастья, как у их папочки любимого!

Случай в Энске.

Стою я на стремянке, стену домалевываю, как подходит ко мне прораб наш Шнипперсон Яков Моисеевич собственной внушительной персоной. «Вижу, – говорит, – Соломон, что работу свою ты закончил. Окажи милость, мать твою перемать, слетай на денек в Энск. Там наш (в этом месте его слова привести мне воспитание не позволяет, пусть будет „пипи“) субподрядчик в гостинице косметику делал, так забыли стенку одну в туалете докрасить, луч поноса им невымытый».

– В мужском? – задал я вовсе глупый, недостойный моего происхождения вопрос.

– В том то и беда, что в женском, будь он неладен, – огорошил меня Шнипперсон. – Так что без тебя, Соломоша, никак.

Вот те на! А как же день рождения у Кобзона? Накрылось, выходит, день рождения у Кобзона. Теперь обидится народный аж всей эсээрии, хоть никакой вины за мной нет. Это все Яков Моисеевич удумал.

Звоню имениннику с тяжелым сердцем и грустью из-за того, что из-за клозета недокрашенного такого человека огорчаю:

– Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!

– Привет, Соломоша, шалом, дорогой. Гутен абенд, монами! Саям помалейкум.

– Вы уж простите меня, но на ваш день рождения никак не смогу, – без подготовки огорчаю я великого певца современности, ну да он в Афгане был, выдержит сердце. – Шнипперсон в командировку посылает. Но подарок за мной, даже не сомневайтесь. Уже завернул икону Грека из личной коллекции. Иоанн Предтеча. В хорошем состоянии. И визу американскую обещают для вас на днях. Я в Госдепе справлялся.

– Как же так, Соломончик? Все ж гости оповещены, что ты будешь. Испорчен праздник.

– Вы же знаете, что если Шнипперсон посылает, то спорить бесполезно, а то еще дальше пошлет, откуда вовсе не возвращаются.

– То-то и оно, что знаю. Ладно, воротисься, отзвонись. Посидим в хорошем ресторане. Вина попьем. Спою твою любимую.

Расстроился я очень, что самого Кобзона огорчил. Вместо Славянского базара мне теперь полтора часа в самолете трястись. В Энск только небольшие летают. Старье внутренних авиалиний. На них весь металлолом оживает. В бизнес-классе кресла чуть шире обычных, наш экскаваторщик Изя Обершмуклер, пожалуй, едва ли поместится, а хавчик, так и вовсе одинаковый, что для вивов, что для простых граждан, невыдающихся ничем. Стандартный антижелудочный набор.

Кое-как долетел. Чудом не вырвало на трапе.

Встретили меня отвратительно. Какой-то патлатый парнишка с приплюснутой харей держал табличку «Соломон». Я к нему, так этот недоношенный привел меня к вшивой облупленной пятерке с вмятиной на капоте. Отвез в «Интурист», так не поверите, там даже полулюкса нет. Вселили, как последнего чмошника, в номер высшей категории. Это что-то! Туалет и душ совмещенные, компьютера нет, климат контроля нет, халат один. С дыркой в кармане! Двадцать телевизионных каналов, из них только два спортивных! Минибар полупустой. Каюсь, вспомнил тут нехорошим словом Якова Моисеевича. Удружил!

Кто останавливался в эмиратском Интерконтинентале, тот меня поймет. И уж, можете не сомневаться, никакого сравнения с президентским номером в Рэдиссон Славянская. Я там как-то завис с одной привередливой барышней, так хотите верьте, хотите нет, но после моя спальня в Горках мне не очень казалась соответствующей, хоть та породистыми деревьями отделана и мебелировка заграничная не из простых магазинов. Все по спецзаказу доставлено. Собирали самые, что ни на есть, натуральные немцы – носители языка, а я на них покрикивал. Те даже не кривились, только битте щен, данке щен. Яя. Гут, гут. На обед я им пиво разбавленное выставил. Пили, как миленькие, оккупанты недообрезанные. Вот бы бабушка Рахиль порадовалась, кабы дождала.

В целом, как вы поняли, не получил я удовлетворенности от своей временной обители.

Один прок, что на работу не ходить по городу, в холле той самой гостиницы этот обделанный объект недоделанный. Зашел туда в сопровождении директора. Вгляделся. И, правда, работы на три мазка. Директора, чтоб не мельтешил, отослал насчет обеда распорядиться, шапку из газеты «Труд» соорудил, приставил табуретку, макнул кисть и за дело. Минут двадцать малярничал. За это время почти не побеспокоил никто. Только одна дамочка заскочила. Села, замурыкала песенку. Певичка, наверное. Или из кордебалета, уж больно ножки распрямила. Чуть банку с краской не опрокинула.

Потом отобедали с директором и генеральным менеджером этого, прости господи, отеля пятизвездочного. Не скажу, что особые разносолы подавали, но червячка заморил. От экскурсии по городу наотрез отказался. Что я в нем не видел? Одних фильмов про этот город штук сто смотрел.

Про город Энск (читатель, который понимает за коммерческую тайну, тот меня не осудит, почему я город-герой на великой русской реке Энском называю) ничего плохого сказать не могу. Но аэропорт – полное недоразумение. В туманах оседлых. Когда-то, еще при застойной Совдепии, на этом месте низинном болотная мошкара от квакушек хоронилась.

Из-за этих туманов неразвезянных пришлось мне на лишний день в Энске задержаться. Лишал себя остатков здоровья в тамошних едальнях. Да и валютные не ахти. Без огонька девах.

Как открыли аэропорт, я на радостях горничной чаевые оставил. Прости, тетушка Сара, но хорошенькая девушка та горничная Наташка. Врала, что на четверть наших кровей. Не больше одной восьмой у нее, и то татской. Но разве в этом дело, если девушка добродетельна и целомудренна? Если способна повысить у постояльца верхний градус одухотворенности?

Заехал за мной опять тот же стилига на развалюхе своей. Унижают нас везде, где только могут. Но я стерпел. Яков Моисеевич меня смирению научил. У него кулак с наковальню. Никакие Кличко с Тайсонами не устоят. Ну, может быть Валуев полраунда и продержался бы. У нас на стройке гастарбайтеры все как на подбор, словно только что из института челюстно-лицевой хирургии выписались.

Знал бы, какое вредительство строители коммунизма учинили, совсем худо стало бы мне. А так еду себе, и еду, одно утешенье – скоро конец позору. До аэропорта всего-то минут тридцать пути.

Ан нет. Не для тебя, Соломончик, такое счастье, чтобы в спокойности и необременительности путь твой тек. Уткнулись в пробище на переезд. С километр. А на встрече у обочины три дэпээсные машины прохлаждаются. Встали намертво. Спонсоров ловят.

– Другой дороги нет? – спрашиваю шофера.

– Нет, – отвечает. – А кабы была, так все одно не развернуться.

– Обычно надолго такая бодряга? – нервно интересуюсь и «Ролекс» свой демонстративно постукиваю.

– Как повезет, – отвечает равнодушно. – Бывает, и часа на два закрывают.

Ну, думаю, Соломоша, приплыли. Если обратно возвращаться, так по мне лучше повеситься. Я Наташке фальшивую банкноту сунул, мне ее на юбилей наш плиточник Шрейбрегер от чистого сердца подарил.

Впереди тачки – не чета моему годовалому лендроверу с деревянными панелями. Мазерати, Порше Кайены, Феррари. Парочка Ягуаров затесалась. Чтоб я так жил, как я их всех хочу! Мне же, доверенному лицу самого Шнипперсона, приходится париться в раздолбанной пятерке. Радует только одно, что никто из знакомых меня не наблюдает в таком безобразии, не то позор несмываемый на все мое колено.

Тут смотрю, глазам своим не верю. Протираю их. Нет, не привиделось. Сопровождающий мой достал из бардачка флягу конька и практически на глазах местных страж порядка добрый глоток хлебнул. Потом мне протягивает. «Примите, с устатку», – угощает. Хоть и не люблю я этого, и не приучен, но от безнадежности полной приложился. Кулаком занюхал и спрашиваю: «Не боишься, что прав лишат?» «Неа, – отвечает. – Нету у меня прав».

Чувствую, тепло разлилось по нутру, и не так стыдно стало. И паренек вроде ничего себе. Ушлепок, конечно, но, как выяснилось, не вредоносный. Можно и из такого пользу извлечь. Причем вполне себе конкретную, имеющую градусное выражение.

Через некоторое время, видя мои неустанные терзания, водитель интересуется: «Скоро конец регистрации?».

– Минут двадцать осталось.

– Успеет тогда, – говорит парень и пересекает на своем тарантасе коррозионном две сплошные полосы.

Вот уж никогда не думал, что мне, простому рабочему человеку от самой что ни на есть сохи, доведется присутствовать при торжестве отечественного автопрома. Пятерка проехала мимо полицейских и дальше вдоль по встречной полосе к шлагбауму. Блюстителю сделали вид, что ничего не происходит такого необычного, что так и надо мимо них все правила бесплатно нарушать. Люди из застрявших машин недоуменно смотрели вслед и удивлялись такому наплевательскому отношению пятерки к престижным иномаркам и необъяснимому бездействию властей уполномоченных при палках и свистках в новеньком обмундировании от Юдашкина.

Пятерка змейкой объехала шлагбаум, и минут через десять мы были у здания аэропорта. Вслед нам летел неумолкающий гул клаксонов, наполняющий ликованием мою душу оседлую.

Паренек проводил меня до окошка регистрации, убедился, что мы не опоздали, и протянул на прощание руку.

Какое в такой ситуации может быть рукопожатие! Просится троекратный поцелуй. По нашему, по-русски. Облобызал я спасителя и спрашиваю на прощание: «Ты кто?»

– Я младший брательник областного начальника ГИБДД. Меня специально к вам прикрепили. Из уважения. Чтоб без накладок.

С таких слов, от такого его откровения, я теперь иначе оцениваю свое пребывание в Энске. Не нахожу больше ничего зазорного в том пребывании. Наоборот даже. Ни к каждому ведь такое отношение повышенное. Будет, что деткам рассказать. Когда те вырастут, конечно. Дай боже им такого же еврейского счастья, как у их папочки любимого!

Воспоминания о земле сибирской

В свой законный выходной решил подкалымить себе на мелочишко, детишкам на сладости. Тем более, имеется на такой случай у меня постоянный клиент. У него ребяенок малый, так вечно в квартире не порядок – стены постоянно изгажены, потолки в желтых разводах – мальчишка ведь.

Прихожу, шапку из «Труда» сложил (признаюсь, «Труд» – моя любимая газета. Там бумага плотная), и за кисть. Тут в детской ребенок разволновался, а папаша успокоить его не приспособлен. Носится туда-сюда по комнате с мальцом на руках, в ухо ему непрестанно свой вчерашний перегар вдует. А дите не унимается, орет, как потерпевший. Будь моя воля, врезал бы я родителю по голове, авось ребенок и угомонился бы с изумления. Но тут прервала мои размышления на тему воспитания подрастающего поколения некст вибрация моего Гольдфиша. Чувствую по ритму – Шнипперсон. Тут третий глаз у меня проснулся, веки открывает и чревоощает язвительно: «Кончилась на сегодня твоя халтура, Соломошка. Зря только шапку газетную мастерил».

Так и есть. «Слетай в Красноярск, Соломончик, – велит Яков Моисеевич. – Там маляр ногу подвернул, и областном управлении Минздрава один лестничный пролет недокрашенный теперь весь вид нарушает».

И вот ведь что обидно, знает многоуважаемый прораб мой, что Соломон страсть, как не любит чужую работу доделывать. Там могут такие косяки образоваться, что порой лучше все площади перемалевать, чем одно место облагородить. Но, с другой стороны, каждому такое задание не поручишь. Кто, если не Соломон его верный? Не привлекался, не состоял, кредо – всегда.

И еще повис в воздухе вопрос, кто в мое отсутствие американскому послу петицию с требованием всеобъемлющего запрета Кукулуклана вручать будет. Не Давид же Маркович, бухгалтер наш в нарукавниках потертых? Я давно в недоумении, за что такого на должности удерживают. Не за пейсы же?

Нуждается в объяснении, почему я Красноярск Энском не шифрую. Причины же вот какие: в ходе повествования мне предстоит побывать в знаменитом поселении Шушенское и на Саяно-Шушенской ГЭС, так что конспирируй, не конспирируй, а любой вычислит, что в Красноярске Соломон был, там малярствовал.

С вашего позволения, все перипетии моего путешествия до Красноярска я пропущу, замечу только, что ВИП-зал в тамошнем аэропорту никуда не годится. Пора стены там подкрасить и много чего еще отремонтировать.

С аэропорта велел себя сразу к месту недоделки доставить, я всегда люблю с фронтом заранее определиться. Прикинуть так и этак. Смотрю, и в самом деле, всего-то один пролет в шпатлевке. Вроде пустяк, а пристойность учреждения уже не та. Ну да ладно, приведу его в удобоворимость. Это мне вообще на один зубок. Краски в нужный колор смешал, кисть макнул, но тут кто-то за рукав меня дерг. Оглянулся, смотрю, стоит солидный человек в приличном даже костюме от Бриони, седина на висках, перстень золотой с печаткой, а на печатке той гиппократова чаша. У змеи глаз – алмаз в полкарата. На галстук булавка с рубином. Тоже немалой ценности вещь.

Мужчина представляется главврачом всего Красноярского края и делает вашему покорнейшему слуге заманчивое предложение. «Позвольте, дорогой Соломон Абрамович, пригласить вас на экскурсию в Шушенское. Кто там не был, тот не видел края нашего сибирского. Вертолет уже заправлен, трясется на всех парах».

А почему бы и нет? Когда ко мне с открытым сердцем, так и я завсегда. Ничто человеческое мне не чуждо.

Вертолет на меня большое впечатление произвел, раньше на таких летать не доводилось. Одно слово – Черная акула. С одной стороны фюзеляжа – красный крест, с другой – полумесяц. На хвосте – звезды Давидовы.

Внутри столик сервировочный с разнообразными закусками. Пока до Шушенского летели, не меньше двух литров уговорили с главным врачом (милейший, доложу вам, человек) и с пилотами. Те, правда, по очереди пили. Кто-то должен штурвал держать, чтоб у остальных не расплескивалось.

Весело было на вертолете: анекдоты, песни застольные про авиацию и космонавтику, из карабинов по сопкам низлежащим палили...

Приземлились мягко, только шасси немного покосило, да винт один не в ту сторону закрутился. Смотрю, бабы гуськом стоят в расписных сарафанах и кокошниках, щеки румяные, в руках одной поднос с хлебом и солью. На подносе стопарик до краев. Чуть позади трио гармонистов и пять балалаечников «Шало молекум» наяривают. Тетка в гражданской одежде, которая чуть в стороне переминалась, внимание мое привлекла, но не красотой своей, а тем, что такую помесь свиноматки с ледоколом редко в каком учреждении встретишь, разве что в Совете Федерации не перевелись типажи подобные. Особенно после перемещения туда из Санкт – Петербурга одной чиновницы благонамеренной.

Оказалась эта страшилище не чем иным, как самой главной местной депутатшей от этого самого музея-заповедника «Шушенское». «Какую экскурсию желаете? – спрашивает. – На полтора часа, на два или на три?»

– Полчаса, – спас положение главврач. – И в ресторан!

Пробегая по Шушенскому до ресторана, я разузнал много каких полезных сведений о способах охоты на зайца, амплитудах окрестных температур и таежной растительности. На две минуты приостановились у домика Владимира Ильича. Оказывается, что бессмертный вождь наш жил в этом самом месте на восемь рублей в месяц, из них четыре за постой выкладывал.

Как довели до меня такую сенсационную информацию, так сразу захотелось мне на месте Ильича немедленно оказаться. Вот бы вернуть те времена забытые. Как бы хорошо стало всем, включая мировой пролетариат и несознательные крестьянские массы.

Закончилась наша обзорная экскурсия в обширной избе, стилизованной под ресторан. Кочевряться не буду, а выражу свое мнение одним емким словом – угодили. Рыба белая, рыба красная, икры обоих цветов в бочонках, гусь с яблоками. Седло горного козла на кульминации застолья – это, доложу вам, одно сплошное объедение и пальцеоблизывание.

После чревоугодия – в баньку. Там встречают девицы давешние. Когда кокошники сняли, вроде даже красивыми показались. Мордастые такие. Да и депутатша в обнаженном виде тоже ничего, наличествуют женские биологические особенности в полной комплектации.

Утром просыпаюсь на перине широкой, депутатша рядом сопит. Сквозь слипшиеся глаза лик ее различаю и удивляюсь себе. Как же ты умудрился, Соломон? С такой сексом сможет заниматься разве что пьяный слепой некрофил и то, за большие дополнительные деньги.

Тут главврач входит. В руках бутылка коньяка и фужер наполненный. Меня ж воротит всего, от вида такого к самому горлу мерзость всякая поднимается. В полном коматозе я, оказывается, от сибирского такого гостеприимства. Красная кипучая субстанция в черепной коробке моей забродила.

Главврач стакан протягивает и говорит: «Пей, Соломон, хорошо будет! Я врач, я знаю!»

Умеет он убеждать, ничего не скажешь. Необыкновенный человек. А разве заурядность какую на этукую должность определяют?

Полегчать то мне полегчало, но на каком транспорте добирались до Саяно-Шушенской ГЭС, не вспомню теперь, а спросить неловко как-то перед сибиряками.

Саяно-Шушенская – это, доложу я вам, громадина. Пылинкой себя ощущаешь. Больше не помню о ней ничего. Рассказывали потом, что пили мы на самой верхотуре за двадцать пятый съезд КПСС, и что чуть не сдуло меня.

Больше о пребывании в Красноярске ничего сказать не могу. Уверен только в одном – пролет я так и не докрасил. Прямо первый раз со мной такая конфузия приключилась.

Деткам своим обязательно историю эту поведаю. Когда те вырастут, конечно. Дай боже им такого же еврейского счастья, как у их папочки любимого!

Смокинги

5 – 7 декабря 2012 года

Сегодня у меня с утра безвозвратно испорченное настроение, хоть и новые кисти выдали. Из натуральной щетины, между прочим. Одна из них филеночная, а к таким у меня особая слабость, но даже филеночная расположение духа не подняла. Все из-за старшего моего, Борюсика. Подсуропил безобразник папочке. Зачем только я попросил до завтрака его дневник? За какой такой надобностью? Раскрываю кондуит, а там каждая страница красными чернилами испещрена. Весь, как есть, в замечаниях: опоздал на политинформацию; прогулял политинформацию; шумно вел себя на политинформации; мешал проведению политинформации; выгнан с политинформации; родители, примите меры по подготовке к политинформации...

Это как понимать, я вас спрашиваю? Тем более в текущий момент, когда на ближневосточных землях особенно неспокойно, и курды в Междуречье пошаливают.

От такой равнодушности сына своего откушал я хумус без всякого аппетита и на кухарку беспричинно цыкнул.

Теперь вот стою, крашу стену, а вдохновения особого не ощущаю, хоть стена эта не где-нибудь, а в самом Большом театре на третьем ярусе, но мыслями я вовсе не о работе и искусстве высокоом, а в несчастных землях палестинских, да о Борюсике своем непутевом.

Вдруг чья-то рука неожиданно меня под коленку хватать, я чуть со стремянки не грохнулся. Оборачиваюсь – смотрю, а это ж сам главный реставратор Большого, мой приятель давний, с самых малых годиков. Наши кровати в детском садике имени Инессы Арманд рядышком стояли.

Обнялись мы, щетинами потерялись, тут он мне с места в карьер и говорит, как замечательна наша случайная встреча, теперь вот он может самолично передать, что меня Друзь приглашает в свою команду, обзвонился он мне, но недоступен ты.

Это верно, когда задание у меня ответственное, я всегда телефоны отключаю. Лестно мне стало, что сам Александр Абрамович вспомнил Соломона, понадобился ему Соломон, не справляются, видать, без Соломона. Но одновременно и горестно мне сделалось оттого, что придется отказать Александру Абрамовичу, меня ведь Максим Оскарович раньше подписал, сам домой ко мне в Горки приехал с поклоном и бутылкой вишневой наливки. Усмирил гордыню, хоть и магистра. Поэтому так и отвечаю своему собеседнику без обиняков, что у Поташева я в команде и никак не могу к Друзю переметнуться, при всем моем уважении к Александру Абрамовичу, тем более, что наша игра в ближайшую субботу состоится, то есть практически завтра, а друzewой команде еще только через неделю предстоит, тогда и поговорим ближе к теме. Такое, мол, мое окончательное соломоново решение.

На лице моего детского приятеля отразилась вся палитра грусти, которую доставил ему мой категорический отказ, а ведь я скрыл от него важную подробность. И без того ему несладко теперь. Представьте, какое расстройство с ним могло приключиться на третьем ярусе Большого театра, если бы я открылся про Вассермана и Илью Новикова. Ведь те, как прознали, что я за Поташева играть намериваюсь, так сразу в нашу команду запросились. Все свои связи задействовали. Даже на моего прораба Шнипперсона Якова Моисеевича давили, всевозможные соблазны сулили, чтоб похлопотал он за них, слово свое веское замолвил, а то и приказал. Разносолы ему втюхивали и конверты толстые совали.

После такого отказа моего категорического махнул только горестно рукой главный реставратор и отправился восвояси звонить Александру Абрамовичу, передать ему печальное известие, которое ставит жирный крест на его туманных турнирных перспективах.

Я же работу доделал, приложился ладонью к стене (я всегда так поступаю, это вроде знака моего мастерского) и домой поспешил на лендровере своем черном смокинги подходящие примерить. На передаче той, куда меня играть пригласили, в смокинг надобно непременно облачаться. В этом ее главная фешенебельная фишка. Там даже лакеи в смокингах, чтобы соответствовать.

В доме моем гардеробом три комнаты занято на третьем этаже, причем в одной сплошные смокинги развешаны. Поди, выбери, тем более одинаковые они и как две капли воды все. В итоге остановился на том, в котором на рауте у королевы Елизаветы с шотландской графиней вальсировал. А что, с тех пор ненадеванный залеживается.

В этом смокинге и поехал на игру. Хоть я человек немалой занятости, но явился в Нескучный сад загодя, чтобы раньше Вассермана через рамку проскочить. А иначе стоять придется с час, пока он все свои железки разнообразные повытаскивает из тысячи карманов и обратно засунет.

Хоть я свой смокинг еще дома надел, но не утерпел, и заглянул в бытовку около домика знатоков. В ней до передачи знатоки разоблачаются и в смокинги прокатные влезают. Зрелище, доложу уж вам, впечатляет. Просто просится для прайм-тайма. Тем более многие знатоки таких округлостей, что на их исподнем можно было бы много какой рекламы и иной полезной информации для телезрителей разместить. Доведется, обговорю данную тему подноготную с Костей Эрнстом. Не пропадать же впустую площадям на таких презентабельных местах.

Уже за самым столом, в свете софитов, Поташев мне сообщил новость. Оказывается, Козлов в самый последний момент подсуетился, бросил тонущий корабль Александра Абрамовича и прыгнул на подножку уходящего экспресса Максима Оскаровича. Тут же за столом сообща порешили посадить капитанить Козлова. А куда его еще девать?

Тот за дело взялся рьяно. По щекам себя замолотил и нас призывает: «Работать! Работать!»

Многих игроков покорила бестактность Козлова, его нетерпимость религиозная. Шабат ведь, какой-никакой сегодня. Реакция Вассермана особенно отрицательная была, причем как на самобичевание капитана, так и на его неуместные призывы к труду. Лягнул Вассерман Козлова под столом.

Распри прервались с первыми нотами Чайковского. Когда голос запел «Что наша жизнь? Играааа», присутствующие присмирели и благоговейно уставились на волчок. Так вот знатоки который десяток лет медитируют в неукротимой надежде постичь ответы на сакраментальные вопросы: «Что? Где? Когда?» А я задаю себе другой вопрос: «Сколько людей значительной умственности и учености за эти годы домедитировались до полного истощения сознания?» Имя им – легион.

И надо же такому случиться, что уже в первом раунде стрелка показала на суперблиц.

– Итак, – спросил невидимый ведущий, – кто из знатоков играет суперблиц?

От его голоса бархатного у меня мурашки по спине разбежались вплоть до судороги в поджилках. Такое в организме моем раньше происходило только однажды. Это когда краповщик наш, Миша Вейцельблюм, рассерчал на раствор, не теми руками замешанный, и зазывал на разборку ответственных за беспорядок лиц из узбекской диаспоры. Когда те, словно бандерлоги, на его голос завораживающий со всех концов стройки стекались, то и меня в их племя затащило при полном параличе воли. Хорошо еще, что Миша меня по пейсам распознал и в сторону нетронутым отодвинул.

Едва подошли к концу воспоминания мои неоднозначные о былом нешуточном недовольстве Миши Вейцельблюма, смотрю, Поташев первый свое кресло покидает. Вассерман тоже руками разводит, типа пас он. Козлов было к Илье Новикову потянулся, но тот встает поспешно со словами: «Какой может быть разговор, если Соломон с нами». Тут и Козлов, нако-

нец, смекнул, что невидимке отвечать, и говорит: «Разве у нас есть выбор? Суперблиц играет Соломон. Это самое легкое решение в моей жизни».

«Кто бы сомневался», – замечает ведущий и приступает к вопросам.

И тут, как говорит мой двоюродный брат Лева, мне карта повалила. Представляете, все вопросы, как один, оказались по моей малярной части. Я их словно орехи пощелкал. Да и потом не сплоховал, только на шестом раунде уже при счете пять ноль в пользу знатоков Новиков Илья меня опередил на сотую долю. Первый выкрикнул про гладиолус. Выпендрился перед девушками своими.

Когда закончилась игра, то давай знатоки из моей застольной команды меня качать. Едва опустили, как другие накинулись. Кто по спине хлопает, кто обнимает. Потанина целоваться лезет. Равшанчик Аскеров чай «Ахмад» впихивает, скидку немалую сулит. Трещал мой смокинг по швам под напором таким водопадным, но выдержало сукно английское. Уж сколько на нем та графиня шотландская висла, а только шов сзади лопнул. Мне его потом дворецкий подшил.

В общем, окружили меня всеобщим обожанием. Поташев сияет. Вассерман в порыве воодушевленности бороду рвет. Козлов вокруг волчка скачет. Даже элитарный Друзь не сдержался, отбросил свою фанаберию. «Браво, Соломон!» – крикнул и подбросил в воздух чепец госпожи Орловой.

Потом вручения были. Мне само собой хрустальную сову дали, а за суперблиц – эксклюзивный тур на зимовку в Антарктиду от одной знаменитой фирмы. Все включено. Буду пребывать на полюсе холода в паразитическом блаженстве. Вот только отпустит ли меня так далеко прораб наш Шнипперсон? Ну да ладно, уговорю как-нибудь. Презентик пообещаю.

Мои домашние запечатлели минуты волнительные моего торжества на диск. Будет, что деткам показать. Когда те вырастут, конечно. Дай боже им такого же еврейского счастья, как у их папочки любимого!

Мистер Президент

10 декабря 2012 – 15 декабря 2012

У меня сегодня с самого спозаранку воодушевленность приподнятая и легкость необычайная в мышлении. Ведь у прораба моего дорогого, Шнипперсона Якова Моисеевича и супруги его Розы Самуиловны, в девичестве Цымлер Сары Израилевны, тридцатилетний юбилей совместной жизни в единой нерушимой ячейке. На торжество множество московских знаменитостей приглашено. Из сопредельных стран также десант солидный высаживается во всех столичных аэропортах. На вокзалах литерный за литерным.

В Метрополе и Балчуге цены вдвое обычного затребовали.

Я в сладком предвкушении прибываю, мечтаю о деликатесах и иных заморских яствах вечерних, как тут вызывает меня в бытовку свою сам Шнипперсон. Я кисти побросал и поспеваю на всех порах. Яков Моисеевич ждать не любит. С опоздавшими не церемонится. Он их к Мише Вейцельблюму, крановщику нашему, отсылает. Тот страсть, как воспитывать любит. У Миши все костяшки на обеих руках отбиты.

Увидел меня Яков Моисеевич и говорит, что, не взыщи мол, друг мой Соломоша, но боюсь, опоздаешь ты на мое торжество, а, если нерасторопен будешь, так и вовсе только к десерту поспеешь.

Видя мое до невозможности огорчительное выражение лица и понурость всей остальной сгорбленной фигуры, Шнипперсон по-отечески так меня подбадривает: «У Президента нашего в кабинете под потолком то ли грибок завелся, то ли плесень какая слизистая. Раздражает его, отвлекает от забот государственных. Ты уж постарайся, голубчик, обработай, как следует загнивающий участок, и подкрась, чтобы в тон. А что тебя посылаю, так тебе ведь от дома до Ново-Огарево рукой подать, и мастер ты проверенный. Да и разряд только у тебя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.